

садили в тюрьму. Когда приступили к допросу и спросили у него: «Обещаете ли вы говорить правду?» — «От сего воздержусь, — ответил он. — Я ведь страдаю-то потому, что правду говорил». Он высказывал весьма пагубные суждения и, среди прочих глупостей, говаривал, что де для восстановления Франции надобно лишь миндальное молоко: в ту пору как раз разбиралось дело о штрафах.⁷ Он опубликовал книгу, содержащую его пресловутые суждения, на титульном листе коей был изображен сам в виде ангела⁸ с крыльями и бородою, а в помещенных ниже стихах говорилось, что от человека у него и осталась только борода.

Г-н д'Энкарвилль, генеральный ревизор финансового ведомства, вовсе не был вором, как то утверждает Сюлли; он был честным и почтенным человеком.

Ссора Сюлли с г-жой де Бофор в ту пору, когда она должна была стать королевой, плохо согласуется с его рассказом о поездке в Клермон, где он, по приказу этой дамы, якобы бьет палкой кучера. Она бы его быстро прогнала.

Вот что произошло, когда г-жа де Бофор заболела. Она смешно послала к Королю дворянина Пюиперу, дабы сообщить о своем недомогании и умолить его позволить ей сесть в лодку и отправиться к нему в Фонтенбло. Она надеялась, что это заставит Короля тотчас же прехать к ней и, пока она еще жива, обвенчаться с нею ради детей. В самом деле, как только Пюиперу прибыл, Король приказал ему тронуться в обратный путь, дабы тот приволок для него паром в Тюильри, на котором он хотел незаметно переправиться; а сам немедленно вскочил на коня и помчался так быстро, что нагнал Пюиперу и осыпал его жестокими упреками. Подле Жюизви Король повстречал канцлера де Белльевра, который сообщил ему о смерти Герцогини. Незирая на это, он поскакал бы в Париж, дабы увидеть ее хотя бы бездыханной, ежели бы Канцлер не внушил ему, что сие недостойно Короля. Он сдался на эти доводы и возвратился в Фонтенбло.

Г-н де Сюлли говорит в одном месте, что Король сел в его карету; у него ее не было, хотя он уже стал Суперинтендантом финансов. В Лувр он ездил верхом и получил карету, только когда стал Генерал-инспектор артиллерии.*

* Король не желал, чтобы обзаводились каретами. Маркиз де Кевр и маркиз де Рамбуве были первыми молодыми людьми, кои приобрели их, последний — по причине плохого зрения; первый сослался на какую-то иную причину. Встречая Короля, они притались. Бассомпьер говорил, что, когда шел дождь, они зевкали за знакомыми дамами, дабы напоить визиты вместе с ними. Арно Ле-Потё был первым холостяком в городе, у коего появилась карета, ибо женатые люди обзавелись ею прежде него. Покойный Король не одобрил, что Фонтене-Марей завел себе карету; ему доложили, что тот собирается жениться. Наконец кареты стали чем-то вполне обычным. Но что такое лошади-иноходцы, никто не знал; иноходец был только у Короля. Даже во времена Генриха IV дело обстояло именно так; за Королем трусили рысцей.